

18+

Лана Нелзона

Его случайная
ПРОБЛЕМА

Лана Нежная

Его случайная проблема

<https://litres.ru/74428543>

ISBN 9785007114691

Аннотация

Виталина поставила всё на кон. Сбежав из дома, она надела маску парня по имени Виталик.

Она случайно находит работу мечты и крышу над головой.

Вадим приютил «парня» не из жалости: новый сотрудник оказался слишком грамотным, к тому же смутно напоминал ему сестру.

Теперь они живут в одной квартире, работают в одном салоне и вместе проводят время.

Виталина уверена: её секрет в безопасности.

Но Вадим понял правду уже через неделю.

Но как долго можно играть в эту игру, если появляются чувства?

Содержание

Глава 1. Вадим	5
Глава 2. Вадим	13
Глава 3. Вадим	21
Глава 4. Вадим	28
Глава 5. Вадим	38
Глава 6. Вадим	46
Глава 7. Вадим	53
Глава 8. Вадим	62
Глава 9. Вадим	69
Глава 10. Вадим	75
Глава 11. Вадим	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Его случайная проблема

Лана Нежная

© Лана Нежная, 2026

ISBN 978-5-0071-1469-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Вадим

Октябрь в этом году выдался тёплым. Но ветер, пробирающий до костей, гнал по асфальту мокрую листву, и даже неон вывески моего салона казался тусклым в этой серой мгле.

Я вышел из кабинета, когда в зале уже было пусто. Задержался с отчётами — бумажная волокита убивала больше времени, чем сама работа с железом. Заперев кабинет, я огляделся. Мотоциклы в полумраке поблескивали яркими боками, словно хищники, затаившиеся перед прыжком. Хром, пластик, кожа сидений — и запах резины, который для меня был приятнее любых духов.

Никогда не думал, что хобби станет делом жизни. Но любовь к двухколёсной технике сотворила чудо. Мне тридцать один, у меня свой салон, сервис в соседнем здании и даже мотоклуб, где по выходным собирается очень разношёрстная компания. Я не олигарх, деньги лопатой не гребу, но доход стабильный. Квартира в ипотеку, машина в гараже, под боком верный байк. Я практически счастлив.

Почти.

С женщинами не везло. По молодости влюбился так, что снесло крышу. Она была из мира, куда мне вход был закрыт: обеспеченная семья, университет, иномарка к восемнадцати. Чувства были взаимными, сильными, но социальная про-

пасть оказалась шире, чем мы думали. Ей хотелось всего и сразу, а я тогда был просто механиком из колледжа с грязью под ногтями. Я не мог дать ей тот уровень жизни, к которому она привыкла.

После неё пустота затягивалась медленно. Были попытки, свидания, но всё разбивалось о быт или отсутствие искры. Если человек не твой, зачем себя насиловать? Думал, в клубе найду кого-то со схожими взглядами, но пока — голяк. Девчонки либо искали спонсора, либо, как ни странно, секса без обязательств.

— Ладно, Вадим, хватит нывать, — пробурчал я себе под нос, выключая свет в зале.

Домой не хотелось. Там тишина и стены, которые давят. Хотел заехать к сестре, проверить, как она, но она отшила: «Занимайся личной жизнью». Как будто она у меня есть.

Я вышел на крыльцо, плотно прикрыв за собой стеклянную дверь. Щёлкнул сигнализацией.

На ступенях, в тени колонны, кто-то сидел.

Я замер, инстинктивно оценивая обстановку. Тень шевельнулась. Пацан. На вид совсем зелёный. Чёрный спортивный костюм, на голову надвинута чёрная кепка, рядом рюкзак. Сидит, сгорбившись, смотрит в пол.

— Эй, пацан, — окликнул я, спускаясь на пару ступеней. — Ты чего тут? Всё нормально?

Он вздрогнул и поднял голову. Лицо худое, острое, под кепкой глаз почти не видно.

— Да... извините, — голос тихий, немного сиплый. — Я просто... на мотоциклы смотрел.

— Нравятся?

— Угу. — Он кивнул. — Honda вот эта, CBR... просто огонь. Какого года? Эту модель же уже не выпускают.

Я удивлённо приподнял бровь. Не каждый прохожий знает такие детали.

— Восемнадцатый.

— Азия... — протянул он с такой тоской, будто говорил о потерянной любви.

— Да. Перебрали весь. Как новенький. Покатает ещё долго.

— Повезёт кому-то... — он вздохнул, и этот вздох показался мне слишком лёгким, почти девичьим. — Я о таком мечтаю. Крутой салон и выбор... Вы тут работаете, да?

— Работаю.

Приятно слышать интерес в голосе. В его возрасте я сам с ума сходил, готов был ночевать в гараже, лишь бы слушать рокот моторов.

— А почему именно эта модель? — спросил я, спускаясь ниже, чтобы оказаться с ним на одном уровне. — Сейчас есть новые, не хуже.

— Она мягче. Послушнее, — ответил он быстро, оживляясь. — Лучше разгон с низких оборотов. Для обучения подходит, особенно если водитель не очень крупный... А я не крупный.

Он говорил грамотно. Термины к месту, понимание физики процесса. У нас вчера уволился консультант — толковый, но запойный. А этот пацан, судя по всему, шарит.

— А если бы не эта, то какая по приоритету номер два? — решил я проверить его на прочность.

— Тут такого нет, — сразу отрезал он.

— А какой бы взял?

— Наверное, BMW G310R.

— Губа не дура... — усмехнулся я. — А третий приоритет?

— Yamaha FZ250 Phazer. Надёжный, как автомат Калашникова.

— Неплохой выбор. — Я скрестил руки на груди. — А мне бы какой посоветовал?

— Вам? — Он поднял голову и впервые внимательно посмотрел на меня. Из-под козырька блеснули глаза. Светлые, внимательные. — А вам для каких целей?

— А просто, глядя на меня, не сможете определить?

Он помолчал, оценивающе скользнув взглядом по моей куртке, ботинкам, фигуре.

— Это моё личное мнение... и любовь к Хонде, увы, даёт о себе знать. Но вы бы неплохо смотрелись на CBR1000RR Fireblade. В чёрном матовом.

Брови мои медленно, но уверенно поползли вверх. Он назвал ту модель, которую я выбрал себе сам и которая сейчас стоит на подземном паркинге. И цвет угадал.

Я задал ещё пару уточняющих вопросов. Отвечал лихо, без запинки. Он был как я десять лет назад. Голодный до знаний, с горящими глазами.

— Ну ты, парень, крут, — сказал я честно. — Тебе работа не нужна? Нам консультант нужен. Срочно.

Парень сжался. Плечи напряглись, он инстинктивно втянул голову в воротник куртки.

— Вообще нужна... но я проблемный... не получится с работой.

Я сел рядом на холодную ступеньку.

— Проблемы — это плохо. Но терять такой кадр неохота. Вадим, — я протянул ему руку.

Он посмотрел на мою ладонь, поколебался секунду и пожал. Рука у него была тонкая, костлявая, но ладонь сухая и тёплая.

— Вита... лик, — ответил он.

На мгновение он запнулся. «Виталик». Звучало немного натянуто, но я не стал цепляться.

— Колись, Виталик, что за проблемы? Может, помогу.

— Это вряд ли. Мне сейчас никто не поможет...

— Из дома сбежал?

— Угу.

— Почему?

Он молчал, теребя молнию на куртке. Потом, словно собравшись с духом, задрал рукав спортивной кофты.

На предплечье, выше запястья, синели свежие пятна. Ге-

матомы. Отпечатки пальцев. Кожа тонкая, вены просвечивают.

Меня пробило током. Всплыло в памяти лицо младшей сестры. Год назад. Побои, синяки, страх в глазах. Тот гад, её бывший, слинял за границу сразу после избиения, иначе я бы его убил. Год прошёл, а злость не утихла. Видеть беспомощность — для меня как красная тряпка для быка.

— В полицию нужно обращаться, — сказал я серьёзно, стараясь не рычать.

— Нельзя, — он быстро опустил рукав. — Меня домой вернут, и будет только хуже. Там всё схвачено... Я уже пытался.

— У меня знакомые есть. Нормальные люди. Они помогут. Поехали, я отвезу.

— Нет. В этом городе мне не помогут.

— И чего делать будешь?

— Жильё искать. Мне три недели нужно пересидеть где-то. Перекантоваться.

— А что потом?

— А потом моей опеке конец. Мне исполняется двадцать один. Я что-нибудь придумаю. А не придумаю — перепишу всё, как они требуют, и буду жить спокойно.

— Кто требует?

— Мачеха и опекун. Любовник её. — Голос у пацана стал тихим. — По завещанию всё осталось мне. Она не при делах. До двадцати одного года опекун контролирует все мои рас-

ходы. Сам при этом тратить не может, только отчитывается. Через три недели я получаю полную свободу. Могу принимать решения сам. Хочу — им всё отпишу, хочу — на благотворительность спущу.

Он перевёл дыхание, и я заметил, как дрожат его ресницы.

— Правда, когда я сказал, что так сделаю... мне сказали, что сделают мне справки задним числом. Положат в клинику. Буду доживать жизнь овощем. Они держат меня рядом только ради добровольной передачи имущества. Если не перепишу — они мне жизни не дадут. Синяки — это... воспитательные меры.

— Ты сейчас серьёзно? — Я смотрел на него, не веря ушам. Звучало как сценарий дешёвого триллера, но синяки были настоящими. Страх в глазах — тоже.

— Угу. Два месяца почти. Со смерти отца. Других родственников нет. А связи у опекуна есть... Везде.

— Три недели, говоришь?

— Да.

Я посмотрел на тёмное небо, на мокрый асфальт. Оставлять его здесь — подписать приговор. Замёрзнет, или его найдут «воспитатели».

— У меня трёшка, — сказал я, сам удивляясь своей импульсивности. — Можешь пожить у меня. Но взамен мне нужна помощь в салоне.

Парень замер.

— У меня документов нет. Они их забрали. Меня нельзя

трудоустраивать.

— Я хозяин. Мы неофициально оформим. Я помогаю тебе, ты — мне. По истечении трёх недель подумаем, что дальше делать.

— А так можно?

— Можно. Если ты согласен.

Он смотрел на меня долго. В его взгляде читалось недоверие, смешанное с отчаянием. Выбор у него, судя по всему, был невелик.

— Согласен, — тихо сказал он.

— Тогда поехали. — Я поднялся, протягивая ему руку, чтобы помочь встать. — Голодный как собака. Поедим, а там решим.

Он вложил свою ладонь в мою. Хрупкая. Я чуть сильнее сжал пальцы, давая опору.

Он встал. Рост средний, но слишком худой. Слишком тонкая шея. Слишком детские, что ли, черты лица. Широкий спортивный костюм делал его несуразным.

«Ладно, — подумал я, заводя мотор. — Разберёмся».

Глава 2. Вадим

Пока машина скользила по вечернему городу, я одной рукой держал руль, а другой тыкал в экран смартфона. Приложение доставки еды — родное донельзя.

— Большой бургер с говядиной, большая картошка, кола, — пробормотал я, добавляя в корзину второй такой же набор.

Будем откармливать этого дрыща. На вид ему лет семнадцать, а не двадцать. Рёбра, наверное, можно пересчитать.

— Слушай, Виталик, — я бросил быстрый взгляд на пассажира. Он сидел, вжавшись в кожаное сиденье, словно боялся испачкать его. — Давай сразу договоримся. Общаемся на «ты». И без лишних церемоний.

— Хорошо... Вадим, — он кивнул, и голос его прозвучал тихо, почти неуверенно.

— То, что надо.

До дома доехали быстро. Я загнал машину на привычное место на подземной парковке. Глушу мотор, тишина давит на уши.

Выходим. И вдруг он замирает.

У стены, в тени бетонной колонны, стоит мой байк. Чёрный, матовый, с характерным хищным изгибом бака.

Виталик срывается с места, забыв обо всём на свете. Подбегает к мотоциклу, словно к святыне.

— Это же... это... — он запинаясь, глаза расширяются.

— Это он?

Его пальцы, тонкие и бледные, тянутся к металлу. Он проводит ладонью по топливному баку — осторожно, боясь поцарапать.

— Он твой? — спрашивает, не отрывая взгляда от байка.

— Мой, — подтверждаю я, подходя ближе. Чувствую, как в груди шевелится что-то вроде гордости. Не каждый оценит.

— Крутой... — выдыхает он. — Вживую ещё круче. Чувствуется мощь.

— Подрастёшь немного — дам покататься, — обещаю я. Не просто так: вижу, что парень в теме.

Виталик опускает руки, улыбается уголками губ, но улыбка выходит грустной.

— Он для меня великоват.

— Поэтому и говорю: как подрастёшь. Физуху подкачаешь, — я киваю в сторону лифта. — Пошли. Буду тебя кормить, а то ветром сдует и без байка.

В квартире я устроил быструю экскурсию. Минимализм, холодный свет, панорамные окна. Виталик ходил за мной по пятам, оглядываясь с опаской, будто боялся что-то задеть.

Пацану досталась гостевая комната. По факту — кабинет. Массивный стол, мощный комп, принтер, стеллажи с документами и раскладной диван у окна.

— Это твоё временное жилище, — я обвёл рукой пространство. — Бардак не разводить. Грязную одежду в корзи-

ну, мусор в ведро. Постельное, полотенце и принадлежности выдам.

— Спасибо, Вадим, — он повернулся ко мне. В полумраке коридора его лицо казалось ещё моложе.

— Надеюсь, я в тебе не ошибся и это будет взаимовыгодное сотрудничество, — сказал я прямо. Мне очень нужен толковый консультант, которому можно доверять.

— Я буду стараться. Очень. Честно, — в его голосе прозвучала такая искренность, что мне стало неловко за свой сухой тон.

Он снял кепку. Растрёпанные светлые волосы упали на лоб. Лицо... Слишком миловидное для пацана. Кожа светлая, почти прозрачная. Глаза серо-голубые, чистые. Но на носу и щеках — россыпь веснушек.

Я замер на секунду. Как у Вероники.

Только сестра у меня от природы рыжая, в маму, а Виталик русский. Но эта россыпь веснушек... Вдруг захотелось позвонить сестре, проверить, как она там. Но уже поздно, она может отдыхать. Машинально открыл приложение. Она дома.

— Переодевайся, я тоже, — кивнул я и ушёл в спальню.

Снял одежду, натянул домашние спортивные штаны и мягкую футболку. Сразу стало легче.

Как раз привезли еду. Запах жареного мяса и специй мгновенно заполнил прихожую.

Когда я вышел на кухню, Виталик уже сутился у стола.

Он достал из шкафа тарелки, салфетки, даже приборы разложил.

— Ты чего это? — удивился я.

— Сервирую, — он пожал плечами, словно это само собой разумеется.

— Необычно, — я хмыкнул. — Обычно я ем прямо из упаковки.

— Так вкуснее, — тихо сказал он и улыбнулся.

И правда: на тарелках даже фастфуд выглядел как нормальный ужин.

— Тебе-то есть во что переодеться? — спросил я, откусывая половину бургера. Соус капнул на подбородок, я вытер его тыльной стороной ладони.

Виталик сидел прямо, ел аккуратно, почти по-птичьи.

— Мне так удобно. У меня с собой только сменная одежда.

— Мы с тобой, конечно, разной комплекции, — я оглядел его худые плечи, — но, может, футболку хотя бы дам? Твоя одежда с улицы. Не грязная, но всё же пыль...

— Угу, — он согласился сразу.

Я ушёл в комнату, порывлся. Пытался найти что-то поменьше, но, кажется, все мои футболки одного размера — «оверсайз» для меня, «палатка» для него. Вынес чёрную.

Виталик вернулся переодетым. Футболка болталась, край доходил почти до середины бедра, а рукава — почти до локтя. Из-под них торчали худые руки.

Я подавился колой.

Вдоль предплечий, на сгибах локтей, на запястьях — россыпь синяков. Свежие фиолетовые и уже сходящие жёлтые. Пальцы худые и длинные. Ногти подстрижены коротко, аккуратно.

Я отложил бургер. Аппетит пропал.

Виталик заметил мой взгляд. Дёрнул рукав, пытаюсь спрятать руки под столом. Мнётся, нервничает.

— Ничего, это пройдёт, — я кивнул на синяки, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без жалости. Жалость он воспримет как слабость. — Откормим тебя, будешь нормальным парнем.

Он молча кивнул, глядя в тарелку.

— С голосом, кстати, чего? — решил я сменить тему, разрядить обстановку. — Уже двадцать, а он не ломается. Высокий такой. Курить не пробовал?

Виталик поднял глаза.

— Нет. Нет, курить я не буду. Пусть такой остаётся...

— Дело твоё, — я пожал плечами. — Завтра на пробежку со мной пойдёшь? В шесть утра. Я тебя к турникам приучу, подтянем физуху. А то руки как спички.

— Пойду, — он выпрямил спину. В глазах мелькнул огонёк.

— Тогда налетай, силы понадобятся.

За ужином, под стук вилок и шуршание бумаги от картошки, Виталик разговорился. Голос его стал увереннее. Расска-

зал, что отучился уже три года на управленца. В этом году взял академический отпуск из-за смерти отца.

— Мать умерла, когда я был маленьким, — говорил он, не поднимая глаз от еды. — Воспитывал отец. Пару лет назад он женился. Но с мачехой у нас не задалось. Мы просто игнорировали друг друга.

Я слушал, запивая колой. История банальная, но от этого не менее мерзкая.

То, что опекун и мачеха — любовники, Виталик узнал случайно. Подслушал их разговор. Уже после смерти отца. Я прокручивал в голове его слова.

— Байк — это просто мечта, — вдруг сказал он, словно извиняясь за свою страсть. — Отец не разрешал. Изучал сам. Всё в интернете. Форумы, видео, статьи.

— Смышлёный парень, — отметил я вслух. Самоучка, да ещё и в такой теме — это уважительно.

После ужина он не стал ждать указания. Встал, собрал тарелки.

— Я помою, — сказал он.

Я хотел возразить, но посмотрел на его спину. Ему нужно было дело. Нужно было чувствовать себя полезным.

— Ладно. Только не разбей ничего, посуда дорогая, — буркнул я и ушёл доставать ему постельные принадлежности.

Когда он вернулся, я выдал чистую подушку, тёплое одеяло, комплект постельного белья и махровое полотенце.

— В ванной можешь пользоваться тем, что найдёшь, — сказал я, стоя в дверях его комнаты. — Новая зубная щётка есть в шкафу, под раковиной.

— Спасибо, — он прижал к груди стопку белья. — Я отблагодарю, обязательно.

— Работай, — я кивнул. — Это лучшая благодарность.

— Спокойной ночи, Вадим.

— Давай.

Я прикрыл дверь в свою комнату. Квартира погрузилась в тишину, нарушаемую лишь далёким шумом города за окном. Слышал ещё его тихие шаги. Щелчок двери ванной. Потом снова шаги, уже тише, — в комнату.

Я упал на кровать, закинув руки за голову. В голове крутились синяки на его руках. И веснушки, как у Вероники.

Меня начало вырубать, но перед самым сном поймал себя на мысли, что ещё пожалею о том, что приютил проблемного пацана.

Внутренняя чуйка — тот самый предательский голос, что ни разу не врал мне в опасных ситуациях, — тихо зудела где-то в солнечном сплетении. Она предупреждала. О чём? О неприятностях? О том, что этот парень принесёт с собой проблемы, которые мне не разгрести? Пока я не понимал сути предупреждения — только смутное ощущение тревоги.

Я пошевелился под одеялом, пытаюсь стряхнуть наваждение. Отступать не собираюсь. Поздно пить «Боржоми», когда почки... Да и не в моём характере бросать начатое.

Я закрыл глаза окончательно.

Парень нужен мне. А я, похоже, нужен ему ещё больше.

Глава 3. Вадим

Утро встретило меня не ласковым солнцем, а серым, свинцовым светом, пробивающимся сквозь плотные шторы. Будильник взвыл в шесть ноль-ноль — привычка. Выключил его одним движением, прежде чем он успел разбудить весь дом.

Первым делом — умываться. Ледяная вода хлестнула в лицо, смывая остатки сна.

Выходя из ванной, услышал на кухне тихое шебуршание. На пороге остановился. Виталик. Он уже был полностью одет, хотя за окном едва рассвело. Парень стоял спиной ко мне и рылся в верхних шкафах, явно пытаясь найти что-то конкретное, но боясь лишний раз сдвинуть посуду.

Я стоял в одних боксёрах, не особо заморачиваясь по поводу одежды в собственном доме.

— Ты жаворонок, что ли? — спросил я, опираясь плечом о косяк.

Виталик вздрогнул, резко обернулся. Его взгляд скользнул по моему торсу, задержался на секунду, а затем стремительно метнулся вниз, к полу. Щёки парня вспыхнули ярким румянцем, контрастирующим с его бледностью.

Неужели смущаю? — промелькнула мысль.

Парень совсем дикий. Надо бы его в баню сводить.

— Доброе утро, — пробормотал он тихо, так, словно бо-

ялся нарушить тишину квартиры.

— Доброе, — ответил я спокойно, стараясь не давить авторитетом. — Что ищешь?

— Смотрю, что на завтрак можно приготовить, — он нервно теребил край футболки.

— А ты чем обычно завтракаешь?

— Овсянкой. С орехами или фруктами.

Я хмыкнул, проходя к холодильнику.

— Понятно, чего ты такой худой... Это не завтрак, Виталик, это издевательство над организмом. С утра нужна белковая загрузка. Яичница, сосиски, бекон. Творог, в конце концов. Такой теперь у тебя будет рацион. В холодильнике всё есть, не переживай.

Он растерянно моргнул:

— Но я такое не ем...

— Пять минут мне дай, надевай кроссовки, и пойдём, — перебил я, доставая яйца и пакет с сосисками. — Сначала нагрузка, потом еда.

Через пять минут мы уже вышли на улицу. Воздух был холодным, сырым, пахло прелыми листьями и приближающейся зимой. Мой стандартный маршрут — пять километров бодрого бега. Но, глядя на Виталика, я понял: ему этот темп не потянуть. Парень выглядел так, будто любой порыв ветра может унести его в ближайшие кусты.

— Бежим на минималках, — предупредил я, сбавляя шаг до лёгкой трусцы. — Не гонись за скоростью, просто держи

ритм.

Мы побежали. Вернее, я побежал, а Виталик попытался повторить. Через пятьсот метров его дыхание стало сбивчивым, хриплым. Лицо покрылось болезненной бледностью, под глазами залегли тени. Он был совершенно «дохлый», несмотря на молодость.

— Ты хоть на физру в школе ходил? — спросил я, не останавливаясь, но ещё больше снижая темп. — Или у тебя медотвод был пожизненный?

— Ходил, — выдохнул он, хватая ртом воздух.

— Незаметно, честно говоря, — буркнул я, оценивая его состояние. Казалось, ещё немного, и он рухнет на асфальт.

Добежали до площадки с турниками дольше, чем я планировал. Виталик опёрся руками о колени, пытаясь отдышаться. Я дал ему минуту, потом показал пару несложных упражнений, чтобы хоть как-то раскачать затёкшие мышцы.

— Смотри и повторяй, — скомандовал я мягко.

Сам же взялся за турник. Двадцать раз чисто, без рывков. Потом брусья. Стандартные подходы. Привычка после армии: тело должно быть в тонусе, иначе заржавеет. Это не просто спорт, это дисциплина, способ держать голову ясной. Краем глаза заметил, что Виталик смотрит на меня с интересом, в котором смешались восхищение и какая-то затаённая грусть.

Спрыгнув с брусьев, я повернулся к нему:

— Подтягиваться будешь пробовать или смысла нет? Сра-

зу скажу: если нет сил — не насилуй организм.

Виталик выпрямился. В его глазах вспыхнула упрямая искра.

— Буду, — ответил он твёрдо, хотя голос дрожал.

Он подошёл к турнику, подпрыгнул, ухватился. Повис. Красиво, ровненько так повис. Дальше были несуразные попытки поднять своё тело. Но подбородок так и не сдвинулся вверх.

Я подошёл сзади, молча обхватил его за талию, чувствуя под ладонями хрупкость рёбер.

— Давай, напрягай руки, плечи, лопатки. Работай спиной, а не только бицепсом.

Я слегка подтолкнул его вверх, помогая преодолеть мёртвую точку.

Блин, да он хоть килограмм пятьдесят вообще весит?

В руках он казался невесомым.

— Какой у тебя рост? — спросил я, поддерживая его, пока он делал второе, более уверенное движение уже сам.

— Сто семьдесят, — прохрипел он, спрыгивая на землю.

— А вес?

— Не знаю, какой сейчас, — он опустил глаза, стыдясь своей худобы.

— А нормальный какой у тебя вес был? Ну, пару месяцев назад, до всего этого?

— Около пятидесяти килограммов.

Я покачал головой, вытирая руки о штаны:

— Мало для твоего роста. Очень мало. Ты же прозрачный почти. Нужно набирать массу, и срочно. Иначе иммунитет скажет досвидули. А там потом дохрена других проблем.

Обратно бежали ещё медленнее. Я практически шёл рядом, контролируя его состояние. Видел, как ему тяжело. Но он не сдавался. Не просил остановиться, не ныл. Дожимал на волевых, на чистом характере. Это мне понравилось. Характер есть — значит, есть стержень. Осталось только нарастить на него мясо.

Дома я первым отправился в душ. Горячая вода расслабила мышцы, смывая уличную сырость. Когда я вышел, завернутый в полотенце, на столе уже стоял завтрак.

И это был настоящий кайф. Я терпеть не могу готовить, предпочитая быстрые перекусы или доставку, но то, что я увидел, напоминало ресторанный сервис.

Яичница с идеально жидким желтком, подрумяненные сосиски, тосты, аккуратно нарезанные кружочками огурец и помидор на отдельной тарелке. Всё приправлено зеленью, салфетки сложены уголком. Пахло вкусно, по-домашнему.

— Я чайник поставил, но не знал, что приготовить: чай или кофе, — голос Виталика донёсся тихо. Он опять разглядывал пол.

— Иди в душ, я сам сделаю. Тебе что? — спросил я, наливая воду в чашки.

— Чай, без сахара, пожалуйста.

Пришлось одеться, чтобы не смущать пацана.

Виталик вернулся на кухню. На нём были джинсы, опять какие-то безразмерные, болтающиеся на бёдрах, и другая толстовка.

Мы ели молча. Я наблюдал за ним украдкой. Видно было, что после пробежки есть ему тяжело: желудок ещё не проснулся, а организм требует отдыха. Он отправлял еду в рот механически, словно выполняя приказ.

— Если наелся, то не давайся, — сказал я спокойно, откладывая вилку. — Лучше меньше, но чаще. Желудок потом встанет, если силой пихать.

Он кивнул, сделал маленький глоток чая и наконец расслабил плечи.

— Ну что, погнали? — я поднялся, чувствуя приятную тяжесть в мышцах. — Будем смотреть, как ты у нас с клиентами справляться будешь.

— Будем, — Виталик тоже встал. — Я только со стола уберу.

Пока он сутился на кухне, я прошёл мимо его комнаты. Дверь была приоткрыта. Внутри царил образцовый порядок: кровать заправлена с военной точностью, вещи сложены аккуратно стопками, никаких лишних предметов на виду. Заглянул в ванную — там тоже чистота, раковина сухая, полотенце висит ровно.

На кухне снова зашуршало. Парень не просто убрал за собой — он уже начал мыть посуду.

Чистоплотный. Аккуратный. Яичница выходит офигенно.

Характер есть, — перечислял я про себя, одеваясь в прихожей.

Если ещё сможет байки продавать так же убедительно, как сервировал эту яичницу, то нужно решать его проблемы однозначно. Оставлять в салоне. Таких работников сейчас днём с огнём не сыщешь.

— Виталик, хватит там драить, пошли! — крикнул я, обуваясь. — Работа ждать не будет.

— Сейчас, одну секунду! — откликнулся он, и в его голосе впервые за утро прозвучала настоящая жизнь.

Глава 4. Вадим

Дорога до салона была короткой, но я решил использовать это время, чтобы сразу расставить точки над «і».

— Слушай внимательно, пока доедем, — начал я, не оборачиваясь. — Расклад такой. На классике у нас рулит Андрей. Это легенда, Виталь. Он нереально крутой, я ему даже в подмётки не гожусь. Клиенты с него тащатся, готовы душу продать за его рекомендацию. Так что если он говорит «бери» — бери не думая.

Я сделал паузу.

— На спортбайках раньше сидел неплохой парень, но уволился. Теперь это твоя территория. Алгоритм простой: сначала знакомишься с тем, что стоит в зале. Потом изучаешь заказы в работе. И только когда голову набьёшь, лезешь в базу смотреть весь ассортимент. Как консультировать — Андрюха быстро введёт в курс дела, он мастер объяснять.

Мы подъехали к светофору. Я повернулся, встретившись с ним взглядом. Его глаза были широко открыты, в них читалась смесь страха и надежды.

— И ещё момент, — продолжил я жёстко, но без злобы. — На работе всем скажу, что ты мой родственник. Проходишь у меня неофициальную стажировку. Фамилия твоя теперь Краснов. Запомнил? Краснов Виталий.

— Понял, — тихо ответил он.

— Хорошо.

На светофоре я достал с заднего сиденья новый каталог с китайскими моделями. Протянул ему.

— Будет время, полистай. Отметь модели, которые заинтересуют.

Виталик взял осторожно, словно каталог был сделан из хрусталя.

— А как отметить?

— Загибай страницы, — усмехнулся я. — Дедовский метод, но работает.

Салон открывался в десять, а сейчас было только девять. Утренний свет падал на хромированные бока мотоциклов, создавая блики на полу. Я провёл для него краткую экскурсию, показывая зоны хранения, подсобку и кабинет.

— Андрюха скоро будет, — сказал я, глядя на часы. — Он пунктуальный до фанатизма. Лучше приедет на час раньше, чем опоздает на минуту.

Не успел я договорить, как входная дверь распахнулась и в помещение ворвался мощный голос.

— Здорова! — крикнул Андрей с порога, сбрасывая шлем.

— И тебе не хворать, — откликнулся я, идя навстречу.

Андрей — высокий, широкоплечий, с вечной ухмылкой на лице — окинул взглядом салон и остановился на Виталике, который стоял в стороне, пряча руки в карманы толстовки.

— Так, а это что у нас за шкет? — прищурился он, подходя ближе.

— Принимай стажёра, — кивнул я. — Племянник мой... троюродный, Краснов Виталий. На спортбайки его временно поставим, вместо Вовки.

Андрей присвистнул, оценивающе оглядев парня с ног до головы.

— Ничего себе, ты оперативный, Вадим. Вовка ещё кружку свою не успел забрать, а ты ему уже замену нашёл.

— Умею, практикую, — рассмеялся я, хлопнув друга по плечу.

Андрей протянул Виталику свою мозолистую, широкую ладонь.

— Ну здорова, малой. Меня Андрей зовут. Буду тебя умразуму учить, если сам захочешь.

Виталик медленно вытянул руку. Его рукопожатие было вялым, неуверенным, пальцы дрожали. Смотреть на это было почти физически больно. Ощущение было такое, будто перед нами не двадцатилетний парень, а тепличное растение, которое никогда не видело настоящего мужского общения.

Андрей тоже заметил. Он не убрал руку сразу, внимательно разглядывая лицо новичка.

— Мда... — протянул он, хмурясь. — Откормить его, что ли, надо, Вадим? Он же даже удержать байк не сможет, не говоря уже о том, чтобы поднять или развернуть. Хлипкий

какой-то.

Меня словно током ударило. Я знал, почему он такой. Но вслух сказал резко, даже грубовато, чтобы скрыть собственную злость на ситуацию:

— Откормим и в форму приведём. Не переживай.

Андрей пожал плечами и кивнул Виталику следовать за ним в зал.

— Ладно, пошли, покажу, где что лежит.

Я ушёл в кабинет, закрыл дверь и сел за компьютер. Работа поглотила меня полностью: счета, заказы запчастей, переговоры с поставщиками. Я забыл про время, про обед, про Виталика.

Меня вырвал из этого состояния Андрей. Он влетел в кабинет без стука — привилегия, заслуженная десятью годами дружбы и совместной работы.

— Вадим, быстро! Пошли, это надо видеть! — глаза у него горели азартом.

— Что случилось? У кого-то колесо отвалилось? — я оторвался от монитора.

— Пошли, говорю, давай резче!

Мы вышли в торговый зал. Картина, которая предстала передо мной, заставила меня замереть.

Виталик стоял возле того самого красного Honda CBR. Рядом с ним — парень лет под тридцать и девушка, чуть моложе. Они слушали моего стажёра, открыв рты. Судя по обрывкам фраз, они выбирали байк девушке в подарок на день

рождения.

Мы с Андреем отошли в сторону, наблюдая издалека.

— Слушай... — прошептал Андрей, и в его голосе прозвучало неподдельное уважение. — Он вместо Kawasaki, который они изначально хотели, втюхал Хонду. Ты пропустил этот момент.

Я молча кивнул, не сводя глаз с Виталика. Парень говорил тихо, но уверенно. Он не давил, не использовал заученные скрипты. Он рассказывал историю. Объяснял эргономику, надёжность, стиль. Это было профессионально. Чёрт возьми, я бы сам у него купил.

— Так профессионально... — покачал головой Андрей. — Я бы сам купил, честно. Вовка так не умел никогда. У пацана талант.

Виталик тем временем ловко перешёл к дополнительным продажам. Шлем, защита, перчатки, мотокуртка. Парень уже кивал, доставая карту.

— Продажу через тебя проводи, — тихо скомандовал я Андрею. — Ему положенный процент от продажи буду наличкой выдавать. В конце дня.

Андрей удивлённо вскинул бровь:

— А чего так?

— Так надо, Андрюх.

К обеду Виталик, сам того не ведая, заработал около двадцати пяти тысяч рублей. Для первого дня, да ещё и в несезон — это был феноменальный результат.

Обед нам привезли из нашей любимой столовой, с которой у салона был давний договор. Ели по очереди. Сначала Андрей ушёл на перекур и обед. Потом пришёл Виталик. Я уже сидел в зоне отдыха с чашкой кофе.

Он сел напротив, аккуратно расправил салфетку.

— Ну как впечатления после первой продажи? — спросил я, наблюдая за ним.

— Волнительно, — признался он, и уголки его губ дрогнули в улыбке. — Сначала даже руки дрожали. А потом... как-то нормально пошло. Втянулся.

— Почему Хонду посоветовал? — прищурился я, проверяя его логику. — Клиенты ведь на Кавасаки смотрели.

— Мне Андрей утром объяснил приоритетность моделей, — серьёзно ответил Виталик. — У Хонды цена для клиента меньше, но наша доходность с неё выше. Плюс для девушки-новичка она будет легче в управлении. А следующему похожему клиенту, если будет упираться на мощность, буду советовать тот Kawasaki, что в углу стоит.

Я одобрительно кивнул.

— Хорошо. Молодец. И допродажи грамотно оформил. Экипировку втюхал идеально.

— Спасибо. Я там ещё каталог просмотрел. Он на столе лежит, я страницы загнул, где интересные варианты.

— Хорошо, я гляну. Спасибо.

Я смотрел, как он ест. Это было отдельное зрелище. Мы с Андреем обычно закидываем еду за пять минут. А Вита-

лик... Он ел медленно, очень аккуратно. С какой-то интеллигентной, почти аристократической грациозностью отправлял в рот пюре с котлетой. Казалось, он наслаждается каждым кусочком так, будто это лобстер из мишленовского ресторана, а не обычная столовая еда.

— Вкусно? — спросил я искренне, улыбаясь.

— Да, мне очень нравится, — ответил он вполне серьёзно, глядя мне прямо в глаза.

В этом ответе не было ни капли притворства. Видимо, дома ему часто недоедать приходилось, или просто не кормили нормально.

— В конце дня выдам твою зарплату за сегодня, — сказал я, допивая кофе. — Тебе нужно что-то купить? Одежды, может, не хватает или ещё что?

Виталик опустил взгляд в тарелку.

— Да... хотелось бы сменную одежду купить. И кое-что из необходимого.

— Отвезу вечером в торговый центр. Не вопрос.

— Спасибо, Вадим.

К вечеру статистика стала ещё лучше. Виталик сделал ещё несколько продаж по экипировке и, по словам Андрея, блестяще проконсультировал пару потенциальных клиентов, которые ушли «подумать», но явно вернуться.

Салон закрылся. Последний клиент вышел, мы опустили жалюзи. Андрей зашёл ко мне в кабинет. Лицо у друга было серьёзным, улыбка исчезла.

— Вадим, что с пацаном стряслось, не расскажешь? — спросил он тихо, закрывая дверь.

— Нет, Андрюх. Не сейчас.

— Ты вообще видел его руки? Когда он шлем примерял, рукава задрались. Там живого места нет. Синяки старые, свежие... И зашуганный он какой-то. В туалете пересеклись — вылетел как пробка.

Я вздохнул, потёр виски.

— Я разберусь. Не трогай его, не дави. В семье у него проблемы. Серьёзные.

Андрей пристально посмотрел на меня, потом кивнул, словно сложив пазл.

— Там ментами пахнет, тебе не кажется? Или чем-то таким... неприятным...

— Андрюх, мы сами разберёмся. Он туда не вернётся. Всё утрясём, не переживай.

— Уверен? — друг подошёл ближе, положив руки на стол.

— Может, подключить кого нужно? Знакомых из органов или ребят? Если нужно — скажи.

— Пока не нужно. Он будет под моей личной защитой. Не обидят.

— Ладно. Обращайся, если что. Пацан толковый. Его только в нормальный вид привести надо, откормить, качнуть немного. А то он как девчонка совсем.

— Сделаем, — пообещал я.

Потом вызвал Виталика к себе. Достал из сейфа наличку.

— Вот, держи. Твоя зарплата за сегодня.

Глаза у парня расширились, он испуганно посмотрел на деньги, потом на меня.

— Это... всё мне?

— Тебе. Процент от сегодняшних продаж. Оклада у тебя не будет, ты ведь не оформлен официально, стажировка всё-таки. Но процент твой честный. Вместо оклада — проживание у меня, дорога на работу и обратно, питание. Договорились?

Он взял деньги дрожащими руками.

— Это много... Очень много.

— Это нормально, Виталик, — сказал я твёрдо. — Свой труд нужно адекватно оценивать. Тем более сегодня продажи есть, а завтра их может не быть. Не обольщайся. Сейчас осень, не сезон для нас. Разве что на скидки падкие клиенты попадутся. Но сегодня ты молодец.

В торговом центре он повёл себя странно. Зашёл в один из самых дешёвых магазинов масс-маркета. Вышел через десять минут с одним большим пакетом.

Пока он был внутри, я успел позвонить сестре, узнать, как дела. Всё было спокойно.

— Всё купил? — спросил я, когда он вышел.

— Да, — кивнул Виталик, крепче сжимая ручку пакета.
— На какое-то время хватит. Больше пока не нужно.

— Поехали домой тогда. Устал, наверное?

— Вадим... А можно я ужином угошу? С первой зарпла-

ты. Мне важно.

Я посмотрел на его серьёзное лицо, на эти глаза, в которых загорелась искра. Улыбнулся.

— Можно. Почему нет? Пошли, тут рядом классная пельменная есть. Будем дальше тебя откармливать.

Он облегчённо выдохнул.

Глава 5. Вадим

Ужин прошёл в странном, но продуктивном ритме. Виталик буквально забыл про еду, превратившись в ходячую энциклопедию китайского мотопрома. Информация из него лилась ручьём. Он перелопатил форумы, посмотрел десятки обзоров, прочитал сотни отзывов.

— Эта модель греется на трассе после ста километров, — бубнил он, вилка застыла в воздухе над тарелкой. — Тут рама слабая, металл тонкий. А вот здесь лучшее соотношение цены и качества, если брать для города...

Я кивнул, пододвигая ему сметану:

— Не забывай жевать, Виталь. Остынут ведь.

Он моргал, словно просыпаясь от транса, быстро отправлял в рот очередной пельмень и тут же продолжал свою лекцию. Мне нравился этот огонь в его глазах. Парень горел делом, и это было видно невооружённым глазом. Я без зазрения совести уговорил две дюжины сибирских пельменей со сметаной, пока Виталик еле осилил половину своей порции, ковыряя их без особого аппетита, полностью поглощённый цифрами и характеристиками.

Домой вернулись после десяти. Усталость накатила волной. Я сразу умылся ледяной водой и рухнул в кровать, отключившись почти мгновенно. Виталик, как обычно, заперся в ванной — у него был свой ритуал перед сном. Уже засы-

пая, я слышал, как он ещё какое-то время ходил туда-сюда по коридору, прежде чем наконец утомиться.

Утром я вышел в зал и остолбенел. На диване лежала аккуратная, идеально сложенная стопка моих вещей. Перестиранных. Поглаженных. Ткань пахла кондиционером для белья.

«Он это ночью, что ли?» — пронеслась шальная мысль.

Зашёл на кухню. Виталик сидел за столом, уткнувшись в документацию по моему байку, которая была в кабинете на видном месте.

— Блин, Виталь, ты спишь вообще? — спросил я, наливая стакан воды. Голос звучал хрипло после сна.

Он дёрнулся, будто его поймали на месте преступления, и опять упёр взгляд в столешницу.

Чёрт. Я опять в одних трусах щеголяю. Забываю, что он смущается любой моей полуобнажённостью.

— Извини, — пробормотал я, чувствуя внезапную неловкость. — Привык так ходить дома.

Молча ушёл в комнату, натянул спортивку.

— На выход, разомнёмся, — позвал его, открывая дверь. Договорились на берегу: я его не жду, он сам контролирует комфортную скорость, встречаемся на площадке.

Я уже почти закончил круг упражнений на брусках и турнике, когда он добежал. Лицо красное, как варёный рак, рот открыт, дышит как старый паровоз, хватая воздух ртом.

Дал ему минуту восстановить дыхание, потом загнал на

брусся.

Дела обстояли не то что плохо, а отвратительно. Если ставить оценку, то это даже не двойка — это кол. Руки дрожат, спина гуляет, техника плавает. За три недели, если он начнёт бегать хоть немного лучше, — и то будет чудо. Мышцы всего тела слабые, никакие, будто из ваты сделаны.

Обратно бежал рядом с ним, сбавив свой темп до минимума, практически шагая, чтобы он не отстал.

Дома — контрастный душ, завтрак.

Сегодня сервировка была полной. У меня уже стояла тарелка с горячей яичницей и чашка свежесваренного кофе. Я был полностью одет, никаких трусов и полотенец. Атмосфера стала какой-то... домашней. Слишком домашней и уютной для общежития двух мужиков. Это начинало меня слегка напрягать, но виду я не подавал.

Потом работа. Продаж почти не было. Так, расходники да экипировка по мелочи. Но Виталик время не терял. Учился, впитывал информацию как губка, задавал Андрюхе умные вопросы. Андрей был доволен, кивал одобрительно.

Вечером, когда ехали домой, сумерки уже сгустились над городом. Виталик вдруг спросил, глядя на дорогу сквозь стекло:

— Вадим, а что бы ты хотел на ужин? Я могу приготовить.

Я удивлённо покосился на него:

— Поздно уже, может, на выходных? А сейчас просто закажем чего-нибудь?

У нас воскресенье — выходной. В субботу работаем с десяти до пяти.

— Хорошо, я на выходных тогда приготовлю, — серьёзно сказал он, кивнув самому себе.

Заказали пасту. Ужинали молча, уставшие после дня на ногах. И сразу на боковую.

Утром снова пробежка, завтрак, работа. Ежедневная рутина.

На работе затишье. Сажу в кабинете, разбираю счета, сверяю накладные. В дверь тихий стук.

— Да, — говорю громко, откладывая ручку.

— Вадим, можно?

Голос тихий, неуверенный.

— Заходи, не стесняйся.

Виталик мнётся у двери, переступая с ноги на ногу, теребя край своей толстовки.

— Чего случилось? Что-то стряслось?

— Какой у меня процент с продажи? — выпалил он вдруг, глядя мне в переносицу.

— Пять, — отвечаю честно, чуть склонив голову. — А что?

— А можно... я сделаю скидку клиенту в счёт своего процента?

Я отодвинул документы и посмотрел на него внимательно, прищурившись:

— Зачем тебе это? Терять свои деньги?

— Там клиент... — он замялся, глаза забежали. — В общем, у него на байк хватает, а на защиту нет. Так нельзя. Он же неопытный, вдруг чего... Можно ему скидку, чтобы на защиту хватило?

Внутри у меня всё сжалось. Посыл хороший. Правильный, человечный. Но бизнес есть бизнес, эмоции тут лишние.

— Виталь, посыл у тебя неплохой. Только если ты так будешь делать постоянно, сам будешь на мели. На что жить собираешься?

— Я не буду так постоянно! Только в этот раз... Честно, — он поднял на меня глаза. Взгляд был такой искренний, открытый и умоляющий, что отказать было физически сложно.

— Что продаём? — спросил я, смягчаясь.

Он протянул мне распечатку. Электромотоцикл Kawasaki Ninja, почти пятьсот, и защита со шлемом на пятьдесят тысяч суммарно.

— И сколько не хватает? Какая скидка должна быть?

— Много... У него всего пятьсот, но наличкой. — Виталик смотрел на меня глазами как у кота из Шрека. Большие, влажные, полные надежды.

— Ты понимаешь, что ничего на нём не заработаешь? Вообще. Выхлоп нулевой. Ты поработаешь бесплатно.

— Угу. Но он живой останется, если вдруг не справится с управлением... Он же новичок...

Он опять смотрит жалобно, чуть ли не слёзы наворачиваются.

— Вот же... — я вздохнул, вставая из-за стола. — Ладно. Пошли, посмотрим на твоего покупателя. Решим на месте.

Иду с ним в зал. Там стоит парень, молодой. Чуть постарше моего проблемного стажёра, но помощнее. Спортсмен, сразу по фигуре видно: плечи широкие, осанка прямая. И байк себе под стать выбрал — агрессивно, красиво, будет отлично смотреться в движении.

— Здорово, — киваю я, протягивая руку. — Вадим.

— Матвей, — крепкое рукопожатие.

— Ну, рассказывай, Матвей, почему эта модель? Дешевле не хочешь рассмотреть? Защита нужна, без неё опасно. Не рекомендую экономить на своей безопасности.

Парень смутился, потёр затылок:

— Так я за другим и пришёл, а ваш консультант вот... убедил. Но я правда после его доводов сам передумал.

— А за каким пришёл изначально?

— Да вот за этим, — Матвей кивнул на стенд с мототехникой. — Там бы на всё хватило с запасом.

Я посмотрел на Виталика. Интересно получается. Виталик уломал парня на байк почти в два раза дороже его планов, увеличил чек, но теперь переживает, чтобы тот не убился из-за экономии на экипировке.

Смотрю на них обоих и сам себе не верю, что собираюсь сделать такую глупость с точки зрения бизнеса.

— Эх, парни, парни... Ну что с вами делать... — я театральнo вздохнул, разводя руками. — Андрей! Оформляй.

Всё по списку. От меня скидка десять процентов на байк, чтобы на полную защиту хватило.

Лицо Виталика озарила такая улыбка, будто я ему сейчас этот мотоцикл лично подарил. Матвей растерянно хлопает глазами, не веря своим ушам.

— Вы сейчас серьёзно? — спрашивает он.

— Чего не сделаешь ради безопасности... — говорю я серьёзно, глядя ему прямо в глаза, фиксируя контакт. — Только посмей разложиться по дурости — лично прибыю. Понял?

— Я буду очень аккуратным, честно. Спасибо, правда, спасибо огромное! — Матвей сиял, его лицо светилось неподдельной радостью. — У меня сегодня как будто день рождения, Новый год и выпускной — всё в один день...

— Ну, я тогда сегодня Дед Мороз, чё, — усмехнулся я, чувствуя странное тепло в груди.

Дальше Виталик забрал Матвея, они пошли мерить защиту, что-то обсуждали, смеялись. Пацаны... Нашлись общие темы.

Я ушёл работать дальше. Я сегодня заработал. Немного денег, может, и потерял, но заработал главное — репутацию и лояльность. Виталик — балбес местами, наивный, но с большим сердцем.

Вечером едем домой. На ужин снова покупные пельмени, готовить сил ни у кого не было.

Перед тем как идти спать, говорю своему горе-стажёру: — Виталь, спать. Сон тоже важен для восстановления.

— Да, хорошо. Спокойной ночи, Вадим.

А потом опять хождения туда-сюда. Слышу, как он на кухне воду пьёт, как щёлкнула дверь ванной, шум душа.

Утром опять постиранные и выглаженные вещи стопкой в зале на диване. Идеальный порядок.

«Он становится похож на домработницу? Или как правильно-то?» — подумал я с лёгкой иронией, натягивая свежую футболку.

Так и привыкнуть недолго...

Глава 6. Вадим

Пробежка, душ, завтрак. Виталик пересел на творог, сказал, что яйца ему не заходят с утра.

Работа началась спокойно. Сегодня вернулся потенциальный клиент с первого дня. Подумал и затарился почти на полтора ляма. Виталик сиял, гордость распирала его грудь.

А после обеда случился ураган.

Настоящий, жёсткий, громкий, с необычным именем.

Я вылетел из кабинета на звуки криков, переходящих в ультразвук, от которого закладывало уши.

— Я буду жаловаться... во все инстанции... я вас нахрен всех засужу! Как вы могли ему продать эту машину для самоубийства? А если с ним что-то случится? Вы ответите?!

Виталик стоял чуть в стороне, бледный как полотно, с перепуганными глазами, судорожно сжимая край своей толстовки в белый кулак. Андрюха принял весь удар на себя. Он умеет гасить конфликты, знает подход к людям, но сейчас его просто сносило волной чужого истеричного негодования.

Перед нами металась она. Чья-то мать пришла устраивать разборки. Не в первой мы сталкиваемся с такими, привыкшие. Хотя на роль мамы она совсем не тянет — слишком уж молодо выглядит. Лет тридцать, не больше.

Она была словно уменьшенная копия куклы Барби, сошедшая с полки, но с характером разъярённой фурии. Ми-

ниатюрная, ростом едва ли выше ста шестидесяти пяти, худенькая, но с вызывающе правильными формами: грудь третьего размера, аппетитные бёдра, подчёркнутые узкими джинсами. Светлые волосы цвета спелой пшеницы были собраны в затейливую, сложную косу, но несколько непослушных прядей выбились из плетения, обрамляя лицо и делая причёску нарочито милой, почти детской.

Но только не глаза. Голубые, ледяные и сейчас полные ярости, метавшие молнии. Губы бантиком, которые вместо поцелуев выдавали поток оскорблений, а при каждом выкрике на щеках предательски вспыхивали глубокие ямочки, добавлявшие ей детского выражения, что диссонировало с текстом.

Её голос был звонким, пронзительным, он резал воздух лучше битого стекла. Одежда тоже играла на контрасте: дорогие джинсы, классическая белая рубашка, накинута поверх кожаная куртка и... туфли на такой высокой шпильке, что казалось, она вот-вот пробьёт плитку каблуками насквозь.

— Ну что же вы, леди, так переживаете, — пытается перехватить её под локоть Андрей, включая свой фирменный успокаивающий, бархатный тон.

— Какая я вам на хуй леди? — она резко отталкивает его руку, даже не глядя на него. Каблуки стучат по плитке как молотки отбойника, чётко отбивая бешеный ритм её агрессии.

Мелкая, но чёртовски агрессивная. Настоящий карманный терминатор. Сразу вспомнились эти собачонки... как их там... чихуахуа. Андрюха против неё — как скала, массивный и невозмутимый, но она скалы не боится, она её долбит. Кроет на чём свет стоит.

— Лапы свои убрал, животное! — визжит она, и её голубые глаза сверкают такой ненавистью, что становится не по себе.

— А... ну... вот сейчас вижу, не леди, — хмурится Андрюха, опуская руки и делая шаг назад, чтобы не спровоцировать её ещё больше.

Он столбенеет. Такое бывает редко. Обычно он знает, что ответить, любую ситуацию разрулит, но этот кукольный ураган в кожаной куртке только что загнал его в тупик одним словом и таким напором.

Решаю вмешаться, пока не дошло до драки или вызова полиции.

— Добрый день. Я владелец. Пройдёмте в кабинет, расскажите, в чём у вас проблема, и обсудим, как мы можем помочь её решить цивилизованно. Виталь, чай нам принеси.

«Не леди», как ни странно, соглашается. Видимо, слово «владелец» действует отвязывающе, переключает её с эмоций на деловой лад.

В кабинете знакомимся. «Не леди» зовут Мирослава. Она старшая сестра Матвея. Родители у них погибли в автокатастрофе несколько лет назад, и она, естественно, боится за

брата панически. Вся эта истерика — от страха. От бессилия контролировать жизнь близкого человека.

Виталик заносит чай на подносе. Сервировано по красоте, даже пиалка с конфетами откуда-то нарисовалась — он постарался сгладить углы.

— Молочный улун. Если хотите, могу заварить чёрный, — предлагает он тихо, ставя чашки.

— Спасибо, я люблю такой, — отвечает Мирослава. Голос уже дрожит меньше, руки перестали трястись.

Дальше мы долго беседуем. О том, как важно давать парням свободу и право на ошибку. О том, что все под Богом ходим и никто не застрахован, несчастный случай может случиться где угодно — даже на пешеходном переходе или сидя дома. О том, что если у него есть голова на плечах и хорошая экипировка, то он не обязательно смертник.

В общем, нормальная она. Адекватная. Просто загнанная в угол ответственностью и травмой прошлого.

Проговорили почти час. Как сеанс у хорошего психоаналитика. Выслушал, дал мужской совет, успокоил. Пригласил в клуб — пусть приходит с братом. Посмотрит сама, что нормальные у нас все люди, не сектанты и не камикадзе.

— Завтра приезжайте с Матвеем. Ему тоже будет полезно обзавестись знакомыми, на дорогах не помешают свои люди.

— Я не сяду на это... — передёргивает она плечами, морщась.

— Зря... Это невероятные эмоции, чувство свободы и по-

лёта. Настоятельно рекомендую как терапию. Вы же на себе всё тянете, груз ответственности огромный, а вы не лошадь. Вы девушка. Маленькая, хрупкая, ранимая. Вам тоже нужно выдыхать.

Она молчит, смотрит в чашку, пальцами гладит край фарфора.

— Я подумаю. Спасибо вам и извините. Кажется, я переборщила, повела себя некрасиво, — говорит она напоследок, поднимаясь. Щёки её горели румянцем стыда.

Выходим с ней в зал.

— Вадим, а что посоветуете ему купить... ну, в качестве извинений... я же дома тоже... переборщила, накричала...

— А вот Виталик может что-то посоветовать. Виталь, для Матвея что ещё можно подобрать полезного?

Виталик уводит Мирославу к витрине с аксессуарами, что-то увлечённо объясняя.

Ко мне подходит Андрей.

— Живой? — спрашивает он, а сам косится на Мирославу с опаской.

— Да, перенервничала она просто. Я её понимаю: брат её родной, младший. Единственная родня после автокатастрофы осталась. Страх говорит, не она.

— Понял, — Андрей кивает и уходит на улицу покурить, явно нуждаясь в перезагрузке.

До конца дня тишина и спокойствие. Шторм улёгся.

На ужин заказываем пиццу, большую, с разными начин-

ками.

Включаем фильм, какой-то лёгкий боевик. Сидим, смотрим, едим и пьём колу. Виталик как воробей рядом. Мелкий, поджал ноги под себя на диване.

Замечаю, что он ёжится.

— Тебе холодно? — спрашиваю.

— Не сильно, — бормочет он, не отрываясь от фильма.

— Оно и видно...

Встаю, иду за пледом. Приношу, молча накрываю его сверху.

— Спасибо, — тихо говорит он, выглядывая из-под ткани.

— Говори, чего молчишь, что холодно. Не надо терпеть.

— Да не хотел отвлекать, фильм интересный.

Через полчаса он отогрелся и незаметно заснул. Голова упала мне на плечо. Дыхание выровнялось, стало глубоким и ровным.

Не высыпается всё-таки, бедолага. Ночью долго возится, утром рано встаёт.

Я сижу, не шевелюсь, боясь разбудить его резким движением. Фильм идёт, титры уже бегут, а я смотрю в тёмный экран телевизора, отражаясь в нём.

«Как я превратился в няньку для этого пацана?» — мелькнула мысль.

Вздыхнул, аккуратно переложил его на подушку, поправил плед. Ладно. Пусть спит так. Завтра опять ранний подъём. И опять мне за ним следить. Видимо, такая теперь моя

доля.

Глава 7. Вадим

Суббота выдалась такой, что ноги отваливались. Народу в салон навалило столько, будто мы мотоциклы не продаём, а бесплатно раздаём. Пришлось и мне побегать.

В этом ажиотаже выясняется прикольная штука. Матвей, этот пацан, который пару дней назад получил от меня скидку, оказался начинающим блогером. Снимает что-то про спорт, про драйв. И он, недолго думая, выложил историю без прикрас: как выбирал байк, как консультант его уговорил на другую модель, как денег не хватало, как я ему скидку сделал, и даже про сестру свою упомянул. Короче, мы с Виталиком стали главными героями его повествования.

История разлетелась по соцсетям быстрее, чем искры из глушителя на старте. Мы, сами того не осознавая, словили отличный хайп.

— А вы тот самый Дед Мороз? — щебетали девчонки, облепившие мою зону ответственности. Глаза блестят, телефоны наготове.

— Типа того, — ответил я, натягивая дежурную улыбку.

— Ну вы на деда совсем не тянете, — захихикали они, переглядываясь.

Виталик стоял рядом и смотрел на них странно. Как-то слишком напряжённо, даже враждебно. Понятное дело, эта толпа девчонок пришла не покупать. Им нужно было просто

поглазеть, потрогать и запостить фотку с модным хештегом, типа #мечтысбываются.

— Выкатите им пару байков с сервиса, что ли, не клиентских, на улицу, — сказал Виталик, понизив голос. — Пусть там фоткаются. А то они тут всё перелапали, грязи нанесли, ещё и своими сумками коцают байки.

— Коцают — это плохо. Где?

Он подлетел к витринному экземпляру, провёл пальцем по металлу.

— Вот. И вот. Две неглубокие, но царапины есть.

Я хлопнул в ладоши, привлекая внимание всей толпы:

— Так, народ! Слушаем внимательно. К витринным байкам не прикасаемся, если не собираемся покупать. Иначе сейчас по камерам отследим, кто покоцал, и заставим оплачивать ремонт из своего кармана. Мы сейчас на улицу пару байков выкатим. На них можно сидеть, виснуть, фоткаться сколько влезет. Только ваши прекрасные сумочки с металлическими деталями держите, пожалуйста, подальше. Андрюх! — крикнул я. — Из наших что-нибудь выкати с парнями на свежий воздух.

Андрюха кивнул, девчонки с визгом вылетели следом на улицу, освобождая пространство. В зале остались только те, у кого в глазах читался реальный интерес, а не просто желание лайков набрать.

— Курицы, — пробормотал Виталик тихо, но в тишине проредившего зала это прозвучало отчётливо.

— Это ты зря... — усмехнулся я, подходя ближе. — Потом в такую ещё влюбишься, и будет тебе счастье до гроба.

Он только закатил глаза, фыркнув что-то невнятное.

К пяти вечера мы были уставшие как собаки. Ноги гудели, голова шла кругом от шума и разговоров. Андрюха свалил в клуб первым — народ как раз начал подтягиваться к вечерней тусовке.

— Хочешь остаться? — спросил я у Виталика, оттягивая ворот водолазки. Было душно.

— Можно я домой? — уточнил он, глядя на меня с опаской, словно я мог силой заставить его торчать здесь до ночи.

— Давай, свободен. А я останусь.

Я кинул ему ключи от квартиры. Вызвал такси, проводил взглядом до машины. У него нет телефона, и покупать он не собирается.

Остаток вечера прошёл в приятной суете. Приехала Вероника. Она редко приезжает, но сегодня заскочила ненадолго. Сказала, что просто ко мне, соскучилась. Ещё приехали Матвей с Мирославой. Я краем глаза заметил, как она подходила к Андрюхе. О чём говорили — не слышал, но видно было, как он после этого разговора буквально расцвёл: плечи расправил, улыбка до ушей. Интересно, извинялась за тот скандал и за «животное»? Ладно, не моё дело.

Вечер удался. Посидели душевно, просто по-своему. Но как только стрелки часов перевалили за девять, Вероника засобиралась. Чувствовалось, что она устала, хотя виду не по-

давала.

Мы с Андреем вышли её провожать. Андрюха какое-то время неровно к ней дышал, пытался ухаживать, но она мягко, но твёрдо держала дистанцию. Кажется, он перегорел, остались только братские чувства.

На выходе из клуба воздух был прохладным. Прощались тепло. Андрюха, широко улыбаясь, сгрёб Веронику в охапку и крутанул вокруг своей оси, отрывая от земли на пару сантиметров. Она звонко рассмеялась, цепляясь за его плечи.

— Ник, приезжай почаще, — громко сказал он, ставя её на ноги. — Ты тут как лучик света в этом тёмном царстве. Обязательно найдём мы тебе нормального мужика, не переживай.

Вероника отряхнула куртку, глаза её блестели от смеха:

— Вам своих лучиков мало? У вас там целое светопредставление из девчонок.

— Девчонок мало не бывает! — парировал Андрей, подмигивая.

Я подошёл ближе, нарочито хмурясь, и толкнул его плечом:

— Лапы от моей сестры убрал, животное.

Андрей лишь закатил глаза, делая вид, что ему смертельно обидно, но уголки губ дрогнули в улыбке.

Я помог Веронике надеть шлем, поправил ремешок под подбородком, проверяя, чтобы сидел плотно.

— Аккуратно на дороге, никуда не торопись. Я ещё по-

звоню, проверю, как доедешь, — сказал я, опуская её визор.

Она повернулась к Андрею:

— Андрей, найди ему уже кого-нибудь, пожалуйста. Он мне жизни не даёт, опекает как малолетнюю.

Андрей развёл руками, изображая бессилие:

— Я бы с радостью, сестрёнка, но он уже взрослый мальчик. Сам должен выбрать. Не моё это дело.

Вероника махнула нам рукой, салютуя двумя пальцами, и дала газу. Мотор её байка взревел, удаляясь в ночную мглу. Мы постояли секунду, слушая затихающий звук, и тут я заметил движение в глубине улицы.

Из тени, словно хищник, вынырнул красный «Феррари». Фары резанули по глазам, машина шла тихо, почти бесшумно, но настойчиво, держа дистанцию позади уехавшей Вероники.

Холодок пробежал по спине. Инстинкт сработал быстрее мысли.

— Ключи! — резко потребовал я у Андрея, протягивая руку. Голос звучал глухо, металлически.

Он не спросил «зачем», не колебался ни секунды. Молча вытащил ключи из кармана и вложил мне в ладонь, а сам уже внимательно смотрел в ту же точку, где исчезли огоньки фар. Его лицо изменилось: исчезла улыбка, появилась та самая тяжёлая сосредоточенность, с которой он ходит на серьёзные разборки.

— Думаешь, он? — коротко бросил Андрей.

— Сейчас проверю.

Я накинул шлем. Завёл байк. Мотор отозвался низким, угрожающим рыком, вибрируя всем телом.

— Я догоню! — крикнул Андрюха и рванул к клубу.

Я не стал ждать. Выжал газ и вышел на дорогу. Вероника ехала спокойно, соблюдая режим, а эта красная тень плелась за ней, как приклеенная. На прямых он держал дистанцию, но стоило ей войти в поворот, как «Феррари» сокращал разрыв.

Пора тормозить эту лошадку.

Как раз на выезде из района, где дорога сужалась перед светофором, меня догнал Андрей. Мы поравнялись, он кивнул, читая мой план без слов.

Мы синхронно сместились, создавая живой щит поперёк полосы. Ему пришлось экстренно тормозить. Визг шин разрезал тишину ночи. Машина остановилась в полуметре от моего колеса.

Мы скинули шлемы. За рулём сидел парень. В полумраке салона и бликах фонарей лица почти не было видно, только силуэт и дорогие часы на руке, лежащей на руле.

Я сделал шаг к капоту и жестом показал выходить. Парень помедлил, затем дверь открылась. Он вышел. Нет, это был не тот ублюдок, с которым у нас остались счёты. Лицо незнакомое. Но от этого легче не стало. Такой же самоуверенный взгляд, такая же дорогая тачка и одежда. Очередной мажор, для которого слово «нет» — пустой звук, а чужие границы

не существуют.

— Здорова, — начал Андрей. Его голос был низким, ровным, но в нём не было ни капли приветливости. Это был голос человека, готового убивать за свою семью.

Парень слегка напрягся, но попытался сохранить маску вежливости:

— Добрый вечер.

— Нам показалось, или ты за нашей девушкой плёлся? — шагнул вперёд Андрей, перекрывая ему путь к машине.

Слово «нашей» прозвучало весомо. В нашем клубе это значит «из семьи», «под защитой».

Глаза парня округлились. Он перевёл взгляд с высокого, массивного Андрея на меня, потом снова на него. Челюсти ходуном заходили, желваки играли под кожей. Он молчал, оценивая расклад сил.

— Короче, слушай сюда, — Андрей навис над ним, используя своё преимущество в росте и массе. Он качал железо регулярно, и рядом с ним я, со своими тренировками «для тонуса», выглядел куда менее внушительно, но сейчас мы были единым целым. — Ещё раз рядом с ней замечу — пеняй на себя, понял? Больше предупреждений не будет.

Парень вдруг усмехнулся, и эта ухмылка взвинтила меня до предела. Внутренний предохранитель щёлкнул и отлетел.

— И что вы мне сделаете? — спросил он с вызовом. Типичный мажор. Думает, что деньги и статус решают всё.

Я не понял, как сократил дистанцию. Удар пришёлся точ-

но в челюсть. Парня мотнуло назад, он едва удержался на ногах. Не давая опомниться, я схватил его за куртку, притянул к себе так, что почувствовал запах его парфюма — дорогой, приторный.

— Убивать будем долго и мучительно, — прорычал я ему в лицо, глядя прямо в глаза.

Он дёрнулся, пытаясь оттолкнуть меня, но моя хватка была мёртвой. Адреналин кипел в крови, заглушая разум.

— Ты нас услышал? — спросил Андрей, подходя вплотную. Его взгляд был ледяным. Если бы этот урод сейчас сказал «нет», Андрей, кажется, действительно закопал бы его здесь же, в грязь у обочины.

Парень сглотнул, глядя то на меня, то в каменное лицо Андрея.

— Услышал, — выдавил он сдавленно.

Я разжал пальцы, отпуская его.

— Приятно общаться с понятливыми, — бросил я, вытирая костяшки о джинсы.

Он ничего не ответил. Обошёл машину, запрыгнул внутрь и, не включая дальнего света, рванул с места, оставляя нас в облаке выхлопных газов.

Мы постояли молча, слушая, как рёв мотора удаляется. Потом Андрей достал пачку сигарет, выбил одну. Я тоже взял, хотя старался не курить уже несколько месяцев, да и он вроде бросал. Сейчас это было необходимо, чтобы сбить оскомину от адреналина.

Закурили, выпуская дым в ночное небо.

— Андрюх, я не понимаю, — наконец произнёс я, глядя на тлеющий уголёк. — Чё они именно к ней липнут? Что им надо?

Андрей глубоко затянулся, прищурился:

— Красивая, эффектная. Яркая. Я понимаю, почему... Ты брат, тебе не понять. А она... она как магнит.

Я фыркнул, отбрасывая окурок и растирая его ногой:

— Ладно. Закинь инфо в чат по его тачке. Номер запомнил? Давайте попасём его. Не нравится мне этот тип. Слишком уверенный.

— Сделаю, — кивнул Андрей, уже доставая телефон. Свет экрана осветил его серьёзное лицо. — Пусть знает, что у Вероники есть братья. И мы не шутим.

Глава 8. Вадим

Домой я вернулся ближе к десяти.

Едва я вышел из лифта на своём этаже, нос уловил запах. Еда. Жареное мясо, специи, что-то томлёное в духовке. Запах был настолько вкусным и домашним, что желудок предательски заурчал. Хотелось бы думать, что это из моей квартиры, но маловероятно. Я же заказывал доставку или планировал перекусить на скорую руку.

Я открыл дверь. И застыл прямо на пороге, как вкопанный.

В коридоре, на четвереньках, мыл полы Виталик. Руками. Буквально тёр тряпкой каждый сантиметр плитки.

На нём были длинные шорты и широкая футболка, в которой он терялся. Он стоял спиной ко мне, оттопырив пятую точку вверх. Футболка задралась, оголив поясницу.

Я залип. Не потому, что я извращенец какой-то, а потому что картинка не складывалась с тем образом «пацана», который у меня был. Задница у него была вовсе не дрыщаваая, не угловатая. Линия перехода от талии к бёдрам была плавной, мягкой... совсем не мужской. Округлой.

«У меня галлюцинации от недотраха, — пронеслось в голове. — Или Виталик не парень?»

Я шумно захлопнул дверь, специально громко, чтобы дать сигнал.

Он вздрогнул, вскакивая так резко, будто его током ударило. Поправил сбившуюся футболку, дёрнул шорты вниз, стараясь скрыть фигуру. Лицо стало растерянным, щёки покрылись лёгким румянцем.

— О, ты уже вернулся? — голос дрогнул. Он нервно тянул край футболки, пытаясь казаться больше, чем есть.

— Угу, — буркнул я, проходя дальше и снимая ботинки. — А ты чего тут в Золушку решил на ночь глядя поиграть? Время вообще видел? Одиннадцатый час.

— Так я заканчиваю уже, — пробормотал он виновато, опуская глаза в пол. Руки спрятал за спину.

— Ты тут не нанимался работать уборщиком. Завтра бы вместе навели порядок, мы же вместе живём.

— Ну я просто... чтобы завтра выходной был. Нормальный. Чтобы не тратить время.

Я остановился и внимательно его отсканировал. Ну пацан же. Худой, долговязый, «древовидный», как говорят качки. Не оформленный совсем. Но ведь пацан.

— Ладно, заканчивай, — махнул я рукой. — Только в следующий раз давай вместе. И швабра на балконе стоит, чего ты руками-то? Спина потом будет болеть.

— Так чище, — тихо ответил он, не поднимая глаз.

Я ушёл в комнату переодеваться, но запах никуда не делся. Он становился даже насыщеннее. И шёл он явно с кухни.

Через пару минут раздался осторожный стук в мою прикрытую дверь.

— Заходи.

Виталик приоткрыл дверь. Вид у него был смущённый.

— Ты ужинал? Я там приготовил...

— Пошли. Не ужинал, голодный как собака после сегоднешнего дня.

Дальше у меня случился лёгкий культурный шок. В квартире была стерильная чистота. Ванная сияла так, что глаза слепило, на кухне порядок, каждая поверхность блестела. Этот мелкий умудрился за пару часов и ужин приготовить, и квартиру отпидорить до блеска. Шустрый, чёрт возьми.

На столе уже стояли помытые огурцы, помидоры, зелень и сметана. Он быстро соорудил салат, пока я наблюдал. Затем достал из духовки противень. Запечённые куриные бёдра с золотистой корочкой и картошка, пропитанная соком, приправами и травами. Пахло просто улёт, слюнки текли автоматически.

Он наложил нам еду, аккуратно поставил приборы.

— Вино будешь? — спросил я, кивнув на бар. К такому ужину грех не открыть бутылочку. Сестра очень любит вино, поэтому у меня всегда есть запасы её любимого — сухое красное, «Красностоп».

— Нет, — Виталик отрицательно замахал руками.

— Немного. За хороший день, за вкусный ужин. М? — настаивал я, доставая бутылку.

— Хорошо. Немного, — сдался он.

Я открыл вино, достал два бокала из шкафа.

— Стоп, — вдруг остановил меня Виталик. Его голос стал жёстким, почти командным. Он выхватил бокалы у меня из рук. — Они же грязные.

— Они чистые, мытые, — удивился я.

— Они в разводах. Посмотри на свет. Так не должно быть. Пить нужно из чистых бокалов.

Не дожидаясь моего ответа, он сполоснул бокалы горячей водой и начал натирать их чистым полотенцем. Движения были быстрыми, точными. Сестра так же всегда делала — тёрла до скрипа, проверяя на просвет.

— Теперь можно, — сказал он удовлетворённо, возвращая мне сверкающие бокалы.

Внутри у меня что-то неприятно скребануло. Опять это ощущение, что меня где-то наёбывают. Что какая-то деталь не сходится.

Это не пацан.

Интуитивно, на каком-то животном уровне я чувствовал это.

Я разлил вино по бокалам. Тёмно-рубиновая жидкость красиво легла на стекло.

— Спасибо за ужин, — протянул я свой бокал для тоста.

— Пожалуйста, — тихо ответил он, чокнувшись.

Мы ели молча. Тишина была густой, наполненной невысказанными вопросами. Я сидел, аккуратно, почти хищно сканируя каждую деталь, каждый жест, каждое движение мимики.

Виталик держал бокал за ножку — правильно. Перед тем как сделать глоток, он чуть крутанул вино, чтобы оно «подышало», затем поднёс бокал к носу, глубоко вдыхая аромат. Пил маленькими глотками, не торопясь. Приборы использовал так, будто в ресторане: нож в правой руке, вилка в левой, движения экономные и точные.

— Невкусно? — вдруг спросил Виталик, заметив мой задумчивый взгляд. В голосе промелькнула тревога.

— Вкусно, — честно ответил я. — Просто задумался.

— О чём? О работе?

— Да нет, о своём. О личном.

Мы не остановились на одном бокале. Я долил ещё.

Я видел, как Виталик начинает немного захмелеть. Сначала это было едва заметно: он чаще моргал, перестал следить за осанкой, тело расслабилось. Щёки порозовели, покрываясь лёгким, здоровым румянцем, который странно контрастировал с его обычно бледной кожей. Движения стали мягче, прежняя резковатость исчезла, уступив место какой-то текучей плавности. Взгляд, раньше цепкий и немного испуганный, чуть поплыл, стал расфокусированным, влажным и невероятно глубоким.

— Ммм, вкусное, — пробормотал он, отпивая очередной глоток. Голос прозвучал ниже обычного, с лёгкой хрипотцой.

И в этот момент он облизнул губы.

Это произошло медленно, почти гипнотически. Он про-

вёл языком по губе, убирая остатки вина, затем слегка прикусил её, чтобы убрать влагу.

Я замер с вилкой на полпути ко рту. Время словно сгустилось, превратившись в вязкую массу. Звук тиканья часов исчез, шум холодильника пропал. Остался только этот кадр.

Губы. Они были слишком мягкими, очерченными, чувственными. Абсолютно девчачьими. И само движение... В нём не было ничего мужского. Это был жест инстинктивный, женственный, наполненный каким-то скрытым, дремлющим магнетизмом.

В свете кухонной лампы, под действием вина и этой странной, давяще-уютной атмосферы, маска «парня Виталика» начала трескаться. Она осыпалась, как старая штукатурка, обнажая что-то другое. Что-то, что я упорно не замечал.

Мои глаза скользнули по его лицу, выхватывая детали, которые раньше игнорировал: длинные густые ресницы, отбрасывающие тени на скулы; тонкую линию шеи, где пульсировала жилка; мягкий изгиб подбородка.

От этого осознания у меня самого перехватило дыхание. Воздух вдруг стал разрежённым, его не хватало. Сердце заколотилось совсем не по-дружески — тяжело, гулко, отдаваясь болезненными толчками в висках. Где-то в животе свернулся тугой, горячий узел.

«Что я делаю?» — пронеслась паническая мысль. Но тело не слушалось разума. Я смотрел, как он снова тянется к бокалу, и мои пальцы непроизвольно сжали рукоять вилки так,

что побелели костяшки. Странное, липкое напряжение пробежало по коже. Это было неправильно. Но оторвать взгляд я больше не мог.

Виталик, заметив мой пристальный взгляд, смутился и опять напрягся. Вернулась маска, вернулось напряжение.

Доедали и допивали мы молча.

Глава 9. Вадим

Может, вино так ударило в голову, размыв границы восприятия. А может, это моя врождённая непереносимость обмана, которая обостряется, как аллергическая реакция на цветение. Но желание проверить свою догадку стало навязчивым, зудящим под кожей.

Проблема была в методе. Виталик и так зашуганный, как затравленный зверёк. Если я сейчас начну лапать его в приличных местах, это будет выглядеть как полный пиздец.

Но как иначе? Тут математика простая: либо грудь имеется, либо член. Третьего не дано. Биология не терпит компромиссов.

Вот он стоит у раковины, моет тарелки. Спина прямая, движения чёткие. Вроде пацан. А вроде... чёрт знает кто. Нужно действовать тонко. Как-то случайно столкнуться, «нечаянно» задеть, прощупать рельеф.

Я подошёл к нему вплотную, якобы помогая убрать со стола.

— Давай я полотенце подам, — буркнул я, делая шаг вперёд так, чтобы наши бёдра почти соприкоснулись.

Он дёрнулся, словно его током ударило, и резко шагнул в сторону, прижимаясь спиной к холодильнику.

— Не надо, я сам, — голос напряжённый.

Я сделал ещё шаг, нарочито неуклюже, пытаюсь создать

контакт плечами:

— Да брось ты, вместе быстрее.

Он снова увернулся, ловко проскользнув мимо меня, как угорь. Его движения были слишком лёгкими, слишком пластичными для парня его комплекции.

— Вадим, ты мне только мешаешь! — выпалил он, и в его голосе прорезались металлические нотки паники. — Иди уже отдыхай, я сам всё доделаю. Вымотался ведь сегодня.

Ладно. Отступаем, перегруппировываемся.

— Ну смотри, герой труда, — усмехнулся я, поднимая руки в примирительном жесте, и вышел из кухни.

По дороге в свою комнату я заглянул в его дверь. Она была приоткрыта. Комната сияла чистотой, которой позавидовала бы любая хозяйка. Вещи аккуратно сложены стопками: футболки к футболкам, джинсы к джинсам. Никакого творческого беспорядка, никаких разбросанных носков. На полке лежали джинсы, а под ними — бельё. Я мельком глянул: боксеры. Тёмные, простые, мужские модели.

«Я совсем ебнулся? — пронеслось в голове. — Ну пацан же. Боксеры носят пацаны. Что я придумываю?»

Я вышел, тихо прикрыв дверь, и отправился к себе. Рухнул на кровать, уставившись в потолок. В голове крутилась карусель: его поведение, фраза «ты мне мешаешь», этот испуганный взгляд, когда я приближался. Жесты. Походка. Всё не сходилось. Пазл не складывался в картинку «обычный парень».

Есть один момент, который я никогда не фиксировал: я ни разу не видел, как он выходит из душа. Всегда уже одетый, всегда в футболке и штанах. «Надо подкараулить», — решил я. Инстинкт охотника проснулся во всей красе.

Я включил свет в коридоре, оставил дверь своей комнаты чуть приоткрытой и замер в засаде, прислонившись к косяку. Тишина. Только гул холодильника на кухне. Прошло минут пятнадцать. Щелчок замка в ванной. Дверь открылась. Оттуда вышел Виталик. Полностью одетый. Штаны, лонгслив с длинным рукавом, хотя в квартире было тепло. Волосы слегка влажные, запах свежего геля для душа потянулся за ним шлейфом. Он увидел меня и замер. В глазах читались немой вопрос и лёгкая растерянность.

— Я зубы забыл почистить, — бросил я первое, что пришло в голову, и прошёл мимо, задев его плечом. Оно показалось мне хрупким. Слишком хрупким.

В ванной я долго чистил зубы, осматривая пространство внимательным взглядом. Ничего интересного. Абсолютно ничего девчачьего. Никаких кремов, никаких скрытых баночек, тюбиков. Ничего.

Может, я схожу с ума?

Ночью я решил, что мне показалось. Ну бывают же милые парни. Бывают андрогины, бывают просто худые ребята с мягкой внешностью. Этому конкретному экземпляру просто не повезло с генетикой: фигура, голос, лицо, походка. Комбо, бля. Идеальный шторм для паранойи человека, ко-

торому скучно жить. Я перевернулся на бок и быстро уснул, отогнав дурные мысли.

Утро началось не с кофе, а со стука в дверь. Тихого, неуверенного.

— Да заходи, чего ты там скребёшься, как котёнок под дверь? — пробурчал я сонным, хриплым голосом, не открывая глаз.

Я лениво перевернулся на спину, потягиваясь, и посмотрел на дверь. Она приоткрылась. В щель просунулась голова Виталика. Он посмотрел на меня, и тут его лицо исказила такая гримаса ужаса, будто он увидел расчленёнку как минимум. Его глаза расширились. Он мгновенно отдёрнул голову и резко отвернулся к стене коридора, демонстрируя мне только затылок.

— Я это... э-э-э... — его голос дрогнул, сорвался на фальцет. — Мы на тренировку сегодня не пойдём?

Я приподнялся на локтях, чувствуя натяжение тонкого покрывала в районе паха. Утренняя эрекция — вещь естественная, физиологическая, особенно для здорового мужика в расцвете сил. И судя по реакции Виталика, он это заметил. Заметил и испугался до чертиков.

— Спи иди, — зевнул я, стараясь звучать максимально безразлично. — Выходной сегодня. Никакой тренировки. Отдыхаем.

— А... ну хорошо, — пропищал он и стремительно захлопнул дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Я остался лежать, глядя в потолок. В голове возник логичный, железобетонный вопрос: какого хрена он так пугается? Ну стояк с утра. Ну и что дальше? Мужик увидел мужика в естественном состоянии — реакция должна быть нейтральной. Но не страх. Не желание сбежать из комнаты, словно там произошло преступление.

Я потёр переносицу, пытаюсь стряхнуть остатки сна. Посмотрел на часы: 06:10.

Класс. Выспался, называется.

Медленно опустил взгляд на себя. Ткань отчётливо выделяла контуры возбуждённого члена. Логическая цепочка замкнулась, ударив меня по лбу сильнее, чем любой встречный автомобиль на трассе. Если его так напугала моя эрекция, значит, у него самого этого нет. В принципе. Нет того органа, который делает реакцию на вид члена понятной и привычной. Значит, он — ни хрена не он. Он — она. Моя догадка подтвердилась самым дурацким способом.

Я медленно выдохнул, чувствуя, как внутри закипает странная смесь эмоций. Облегчение от того, что я не сумасшедший? Раздражение от того, что меня водят за нос? Или... что-то третье? Что-то другое, зародившееся где-то в глубине живота при мысли о том, кто на самом деле живёт со мной под одной крышей, кормит каждый день, стирает и гладит мои вещи, моет полы руками и боится утренней эрекции.

— И чего теперь с этим делать? — спросил я вслух пустую

комнату.

Ответом была тишина. Но правила игры изменились. Теперь я знал, что хожу по минному полю, только вместо мин там — тайны, которые могут взорвать всё к чертям.

Глава 10. Вадим

Повалялся ещё минут десять, вслушиваясь в тишину квартиры. Сон не шёл. Не то чтобы меня что-то мучило, просто внутри было то самое приятное, ленивое напряжение, когда тело отдохнуло, а мозг ещё не решил, чем заняться. За окном было ещё темно.

Вздыхнул, откинул одеяло, оделся и побрёл в ванную. Ледяная вода умывала остатки сна лучше любого кофе.

Вышел в коридор, вытирая лицо полотенцем. В зале, у панорамного окна, спиной ко мне сидел Виталик. Он смотрел в одну точку на стекле, обхватив колени руками и уткнув в них подбородок. В его позе читалась такая искренняя растерянность, что стало немного не по себе.

— Ну чего нос повесил, жаворонок? — окликнул я, стараясь, чтобы голос звучал бодро и естественно, без лишней жалости. — Завтракать-то будем? Или будешь фотосинтезировать до обеда?

Он вздрогнул, обернулся. Глаза красноватые.

— Вадим, ты извини... Я не хотел разбудить. Думал, ты проспал, тихо сидел... — голос тихий, виноватый.

Я махнул рукой, проходя мимо к кухне.

— Да ладно тебе. Я выспался. Голова ясная.

— Хочешь, я сырники сделаю? — он вдруг оживился, словно ухватился за соломинку. — Или тебе как обычно,

яичницу с беконом?

— Давай сырники. С утра что-то на сладкое тянет, организм требует углеводов.

Он засуетился, и кухня сразу наполнилась жизнью, звуками и запахами. Виталик знал своё дело. Творог, яйца, мука, щепотка сахара, соль. Движения стали уверенными, привычными, почти профессиональными. Я прислонился к столешнице, скрестив руки на груди, наблюдая за ним. Было странно видеть, как этот неуклюжий в жизни парень превращается в виртуоза у плиты.

— Виталь, а тебя готовить-то кто учил? — спросил, чтобы не молчать. — Не похоже, что самоучка.

— Домработница наша, Елена, — он не оборачивался, внимательно следя за сковородой. — Я часто с ней на кухне зависал. Но потом её уволил опекун.

— Мда... — протянул я. — А тебе нравится? Готовить?

— Да. Это успокаивает. Когда режешь, мешаешь... мысли в порядок приходят. Хаос в голове исчезает.

— Разные у нас с тобой способы расслабляться. Меня готовка, наоборот, раздражает. Люблю, когда всё уже готово, пахнет вкусно и мне остаётся только сесть и съесть. Я потребитель, а не творец, — усмехнулся я.

Пока на сковороде шкворчали золотистые кругляши, Виталик успел сервировать стол. На тарелках уже лежали нарезанные фрукты, ягоды, рядом дымился кофе в моей кружке и чай в его. Сырники, политые сметаной и мёдом, завершали

композицию. Как всегда — подача аккуратная, почти ресторанная. Ничего лишнего, каждая деталь на своём месте.

Я отломил вилкой кусок, отправил в рот. Горячо, сладко, с кислинкой творога и ванилью.

— Ммм, класс, — вырвалось искренне.

Виталик замер с вилкой в руке, посмотрел на меня с надеждой, словно от моего слова зависела его судьба.

— Вкусно? — тихо спросил он.

— Вкусно, очень. Ты маг на кухне, Виталь. Честно. Если бы не мотоциклы, открыл бы ресторан — очередь бы стояла до угла...

Он улыбнулся, наконец-то расслабив плечи, и тоже начал есть. Мы помолчали, наслаждаясь едой. За окном совсем рассвело, солнце залило кухню тёплым светом.

— Ну что делать-то будем? — спросил я, допивая кофе и чувствуя, как энергия возвращается. — Уборку ты уже организовал, на дворе срань ещё, семь утра. У меня дел нет.

— А у меня тоже нет, — он посмотрел на меня, и в глазах снова мелькнула тень неуверенности. — Я просто... не хочу мешать тебе отдыхать.

Я достал телефон, проверил погоду. Обещали тепло, плюс двадцать, бабье лето, по ходу. Идеально.

— Кататься поедem на байке? — спросил я аккуратно, наблюдая за реакцией, готовый в любой момент свернуть тему, если увижу страх.

Виталик чуть не подпрыгнул на стуле, глаза округлились.

— Поедем? А куда? А в чём? А что нужно?

Глаза загорелись таким детским восторгом, который он даже не пытался скрыть. Щёки снова порозовели.

— Ты первый раз, что ли? — удивился я, отставляя чашку.

— Да... — он опустил взгляд, смущённо теребя салфетку.

— То есть я видел, как другие ездят, но сам не пробовал. Даже не сидел никогда.

— Эх ты, продавать мотоциклы и ни разу даже не показаться... — я покачал головой, изображая строгость. — Это же преступление против профессии. Только вот вопрос: во что тебя упаковывать? Моё точно на тебя будет велико. Ты же у нас миниатюрный.

— А так нельзя, да? — он поднял глаза, полные тревоги.

— Ну ты, Виталь, даёшь, — я усмехнулся, чувствуя, как внутри растёт желание защитить этого странного парня... или не парня...

— Главное, Матвея приодел, чтобы тот, не дай бог, чего, а сам так? Рисковать хочешь своей головой? Своей жизнью?

— А я тебе доверяю, — он посмотрел мне прямо в глаза. Честно, открыто, без тени сомнения.

Внутри что-то екнуло. Тёплая волна прошла по груди. Не ожидал я такой простоты и абсолютной веры.

— Глупый, — буркнул я, отводя взгляд, чтобы он не увидел, как изменилось моё выражение лица. — Не всегда от водителя всё зависит, Виталь. Всякое на дороге может быть. Камешек, яма, чья-то глупость, пьяный на встрече. Ладно,

собирайся. Поедем, тебе защиту выберем. Потом, глядишь, пригодится, если решишь свои права получить.

— Я не готов покупать, — он сразу засуетился, замахав руками. — Это дорого, Вадим. У меня сейчас бюджет ограничен, я не могу...

— Я тебе подарю, — отрезал я твёрдо, не допускающим возражений тоном. — В знак благодарности за раскрутку салона. Премия, так сказать. За Матвея. Ты мне клиентов привёл, хорошую прибыль сделал, я тебе безопасность дарю. Вопрос закрыт, обсуждению не подлежит.

— Нет, я так не могу, — он замотал головой, глаза забежали. — Это слишком большой подарок, я не заслужил...

— Ну ты смешной, — я встал, упёршись руками в бока и нависая над ним, чтобы пресечь споры. — Значит, для чужого человека просил, свои проценты отдавать был готов, деньги не жалко было, а для себя нельзя? Гордость мешает?

— Это другое... — пробормотал он, краснея.

— Не переживай. Нам Матвей нормально прибыль организовал, по его следам ещё пару недель клиенты ходить будут. Так что бюджет позволяет. Собирайся, через пятнадцать минут на выход.

Виталик понял, что спорить бесполезно. Быстро убрал со стола, сгрузил посуду в мойку. Я ушёл переодеваться.

Когда я вышел в зал, Виталик стоял как вкопанный. Я был в полной экипировке: кожаная куртка, штаны с протекторами, тяжёлые боты, перчатки. Шлем в руке.

Он смотрел с открытым ртом. В этом взгляде было много: и восторг, и восхищение, и что-то ещё... Такое, от чего у меня по спине пробежали мурашки.

— Пошли, — кивнул я в сторону двери.

Спустились в подземку. Мотоцикл стоял на своём месте, чёрный хищник в полумраке гаража, поблёскивая хромированными деталями. Я достал из машины второй шлем — новый, ещё в заводской упаковке, который купил когда-то в надежде найти свою пару.

— Надевай. Без разговоров. Я буду ехать медленно, — сказал я, помогая ему застегнуть ремень под подбородком. Мои пальцы случайно коснулись его шеи — кожа была горячей. — Вот приоденем тебя нормально, тогда прокачу с ветерком. Пока не суетись, привыкай.

Показал на подножку, хлопнул ладонью по пассажирскому сиденью.

— Залезай. Аккуратно.

Помог ему устроиться. Первый раз это всегда странно. И для него, и для меня. Вozить двойку — ответственность. Байк становится тяжелее, инерция другая, тормозной путь длиннее.

— Держись тут, — я взял его руки и притянул к своему животу. — Крепко. Не отпускаешь, даже если испугаешься. Понял?

— Понял, — голос дрогнул.

— Кивни, если понял.

Он кивнул. Я почувствовал движение его тела спиной, лёгкое касание груди.

Думал, почувствую что-то ещё, но плотная «черепаша» мешала. Чувствовал только тепло и то, что он сзади. Живой, настоящий, доверяющий мне свою жизнь.

Завёл мотор. Рёв эхом ударился от стен парковки. Виталик вздрогнул, но руки не разжал.

Выехал не спеша. В городе скорость не превышал, маневрировал аккуратно. Виталик сначала держался скованно, но на третьем светофоре прижался сильнее.

Доехали до мотосалона быстро. Я заглушил байк у входа, почувствовал, как он выдыхает. Помог ему слезть, придерживая за локоть. Виталик снял шлем, растрёпанный, с горящими глазами и разбурлявшимся лицом.

— Нормально? — спросил я, снимая свой шлем.

— Да... Ветер только... — он улыбнулся, проводя рукой по волосам. — Страшно немного, но... здорово.

— Ветер лечить будем. Пошли внутрь.

Открыл салон своим ключом. Внутри пахло кожей, резиной, новым пластиком и дорогим воском для полировки. Родной запах.

— Виталь, ты только сейчас не обижайся, — начал я, ведя его к стойке с экипировкой. — Но мелковат ты. Мужская вся здоровая, будешь в ней как в мешке. Это опасно. Давай в соседнем отделе посмотреть? Там женская линейка, размеры поменьше, а визуально — одна херня, никто не разберёт.

Главное — защита.

— Угу, — кивнул он. Ему было всё равно.

Подобрал ему всё за десять минут. Куртка, перчатки, наколенники. Мальчик у нас как девочка, размера S. Село всё идеально. Чёрная матовая кожа, минимум декора, максимум брони на плечах, локтях и спине.

— Удобно? Не жмёт? Плечи не давит? Рукава не длинные? — я обходил его вокруг, поправляя молнии, проверяя плотность прилегания протекторов.

— Нет, всё хорошо, — он крутился перед зеркалом, не веря своему отражению. — Я как... настоящий.

— Ты и есть настоящий. Просто маленький, — поддел я, но мягко. — Ну тогда на выход. Тестируем в деле.

Закрыл салон. Помог ему со шлемом, проверил фиксацию. Убедившись, что всё отлично, сел на байк.

Виталик залез уже увереннее. Обхватил меня за талию, уткнулся шлемом мне в спину между лопаток.

Из города выезжал не спеша. Трафик спал, дороги были пустыми. Как только выехали на трассу, за город, я добавил газу. Мотор зарычал, переходя на высокие обороты, ветер засвистал в ушах даже сквозь шумоизоляцию шлема. Виталик вцепился крепче. Я чувствовал, как его пальцы впиваются в мою куртку. Добавил ещё чуть-чуть, наклоня байк в поворотах. Мир превратился в размытые полосы обочины и бесконечное голубое небо. Звуки города исчезли, остался только ритм мотора и свист ветра.

И ещё непривычное тепло за спиной.

Глава 11. Вадим

Ветер свистел в шлеме, выбивая последние остатки мыслей из головы. Хорошее чувство. Когда ты на скорости, проблемы размываются в пейзаже, превращаясь в смазанные цветные пятна.

Доехали до озера без приключений. Поставили байк на стоянке, рядом с парой «японцев». Сняли шлемы.

Взяли кофе в ближайшем ларьке. Бумажные стаканчики обжигали пальцы, но это было приятно. Сели на скамейку, лицом к воде.

Идиллия, блядь. Солнце греет, ветра нет, птицы поют, красиво. Виталик притих. Ушёл в себя. Я не лез. Сидел, глотал горький кофе и косился на неё.

Как, сука, выводить на чистую воду теперь?

Сказать в лоб: «Слушай, я знаю, что ты девушка»? Мне кажется, она свинтит в неизвестном направлении быстрее, чем я моргну. И ищи её потом. У меня даже паспортных данных нет, только мужское имя. Ненасущное.

Сейчас ей спокойно. Мы же типа «пацаны». Безопасно. Мужская компания, плечо подставить, помочь. А станем мы разнополыми официально — сразу станет стрёмно. Живёшь с мужиком под одной крышей, мало ли что ему в голову взбредёт...

Ищи её... Я её искать собрался, если пропадёт. Зачем?

Чтобы помочь? Защитить? Или потому что втянулся?

Вопрос на миллион, и ответа нет.

Так и сидим, как два идиота. Каждый в своих раздумьях. Интересно, о чём думает она? Ей ещё недели три скрывать-ся до дня рождения. А потом? Что за план? Или есть ли он вообще?

— Вадим, — нарушила она тишину. Голос тихий, но уже не такой зажатый, как в первые дни. — А ты давно ездешь на мотоцикле?

— Давно, — ответил я, допивая кофе. — Больше десяти лет.

— А много времени нужно, чтобы уверенно начать ездить?

— Кому как. Кто-то за неделю схватывает, кто-то и за полгода не может понять, как управлять этим аппаратом. Зависит от головы. И от того, насколько ты готов доверять железяке.

Она кивнула, глядя на воду.

— Когда всё наладится, я тоже себе байк возьму. Научусь и буду гонять.

Я усмехнулся. Оптимизм — это хорошо.

— Отличный план. Надеюсь, в нашем клубе будешь состоять?

— Если возьмёте, — она повернулась, и в глазах мелькнуло что-то живое.

— Куда денемся. Мы своих не бросаем.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Просидели ещё около часа. В основном молчали. Но тишина была не напряжённой, а какой-то... совместной. Комфортной.

Обратно ехали не спеша. Я не гнал. В голову пришла дурацкая идея. Гениальная в своей простоте.

В городе свернул к заброшенному автодрому. Место глухое, асфальт потрескавшийся, сквозь него трава пробивается, но народ сюда часто приезжает. Я тут сестру совсем недавно учил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.